

ФИНАНСОВОЕ БАНКРОТСТВО ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Ю. П. ВОРОНОВ,
кандидат экономических наук,
Новосибирск

*Страна уже падает в бездну окончательного
экономического распада и гибели...*

Из резолюции VI съезда РСДРП(б),
август 1917 г.

К июлю 1917 г., началу VI съезда РСДРП(б), в печати появились минимум три предложения, как радикальными мерами поправить экономическое положение России, спасти ее от государственного банкротства. Один автор предложил изымать у капиталистов всю прибыль. Второй согласился, что изымать прибыль нужно, но не всю. Третий определил первых двух как людей романтических и экономически неграмотных.

Кто же они, эти авторы? Много лет задаю я этот вопрос разным людям, и с каждым годом все ниже вероятность правильного ответа. Вот он. Первый автор — министр труда Временного правительства, один из лидеров меньшевиков М. И. Скобелев¹; второй — С. И. Третьяков, крупный русский купец, председательствовавший на заседании Общества торговли и промышленности, где и было дано встречное предложение М. И. Скобелеву²;

¹ «Русские ведомости», 1917, 14(27) мая.

² «Речь», 1917, 16(29) июля.

третий автор — В. И. Ленин. «...Программа министра — меньшевика Скобелева идет дальше большевизма... Наша партия — гораздо скромнее»³, — писал Ленин в статье «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания».

ПЛАТФОРМА

Почему же В. И. Ленин не поддерживал столь решительные меры, на которые решились даже Временное правительство и частично промышленники? На этот и многие другие вопросы дает ответы изучение материалов Апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б).

Выход из критической ситуации в экономике предложила Апрельская конференция. Это:

- национализация банков и ряда синдицированных предприятий (нефть, металлургия, уголь, сахар, транспорт);
- рабочий контроль над производством и распределением;
- правильный обмен между городом и деревней (кооперативы плюс продкомитеты);
- правильное распределение рабочей силы на производстве;
- отмена коммерческой тайны;
- борьба с локаутами;
- отказ от уплаты государственного долга с соблюдением интересов мелких подписчиков.

Чтобы понять каждый пункт, требуются глубокая экономическая подготовка, множество комментариев, разъяснений и исторических параллелей. Последний пункт означал фактическое признание финансового банкротства России. Обсудим его подробнее не потому, что он наиболее важен, а из-за относительной малоизвестности и удобства для демонстрации острейшей необходимости всеобщей экономической грамотности.

Наиболее близка ко времени Октябрьского вооруженного восстания экономическая платформа, которую на основе ленинских Апрельских тезисов и решений Апрельской конференции разработал VI съезд партии, про-

ходивший в полулегальных условиях в суровые июльские дни 1917 г. Он закончил работу пением Интернационала за 83 дня до взятия Зимнего дворца — 3 августа. Делегаты заслушали и обсудили пять докладов: о деятельности ЦК (докладчик — И. В. Сталин, содокладчики — Я. М. Свердлов, И. Т. Смилга), о текущем моменте (Н. И. Бухарин), о политическом положении (И. В. Сталин), об экономическом положении (В. П. Милютин), о профдвижении (Н. П. Глебов, содокладчик — Н. А. Скрыпник).

Через решение задач экономической платформы большевиков открывался путь России к социализму. Только ясное понимание обстановки и твердая рука большевистской партии были способны перетащить хозяйство через разруху и сохранить экономическую независимость страны.

Путь к социализму начинался с решения проблемы государственного банкротства России — шага, оказавшегося не под силу соглашателям — социалистам из Временного правительства. Четыре меньшевика сидели там напротив четырех кадетов и два эсера — напротив двух прогрессистов. Баланс сил приводил к тому, что Временному правительству было не до социализма. Более того, любые меры выхода из финансового банкротства, на которые в иных условиях пошли бы и буржуазные правительства, оказались противникам Октября не под силу.

КАПИТАЛ.

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БАНКРОТСТВО?

Термин этот представляется сегодня довольно абстрактным: долгое время его вообще не употребляли, потом он появлялся время от времени при обсуждении неоплатного долга развивающихся стран, да еще промелькнул при мимолетных обсуждениях

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 205—206.

финансовой стороны польских событий 1980 года. Но в 1917 г. государственное банкротство воспринималось как вполне реальное, наиболее вероятное будущее нашей Родины.

Классическим банкротством, моделью для вооруженной интервенции союзников в Советскую Россию можно считать государственное банкротство Египта в 1876 г., сопровождавшееся показной оккупацией. Остановимся на нем подробнее.

Египет тех лет находился в вассальной (и во многом формальной) зависимости от Турции. Его правитель — хедив Измаил имел право брать внешние займы. К 1876 г. он назначил у банкиров разных стран столько, что вынужден был объявить об отсрочке платежей на три месяца.

По нынешним меркам это не такой уж большой грех: Перу, Заир и Бразилия объявили в одностороннем порядке, что их выплаты по внешним займам не будут превышать фиксированной доли внешнеторговых поступлений и пусть кредиторы делают, что хотят. В 1896 г. подобную меру применили Португалия и Греция. В английских правительственных кругах тогда всерьез обсуждался вопрос о захвате португальских колоний, но прежде, чем решились на захват, началась франко-португальская война. «X. 1898: Договор Англии и Германии: делая колонии Португалии («на случай» ее финансовой несостоятельности)...»⁴ — запишет впоследствии В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму».

В последней четверти XIX века отсрочки платежей на три месяца было достаточно, чтобы страны-кредиторы Египта создали Комиссию долговой кассы — специальный орган для вычета из бюджетных поступлений средств на уплату процентов по долгу. Сначала в нее входили три комиссара: француз, итальянец и австриец. В 1877 г. к ним присоединился англичанин, в 1885 г. — русский и немец. Долг в 2,3 млрд франков (7% годовых, которые впоследствии понижались) предстояло покрыть за 65 лет. Хедива вынудили назначить сверх Комиссии двух генеральных контролеров: англичанина и французского — представителей главных стран-кредиторов. Первый в 1878 г. стал министром финансов Египта, второй — министром общественных работ.

Хедив пробовал избавиться от 65-летней долговой кабалы двумя противоречащими друг другу способами. Специально для западноевропейских кредиторов он играл роль прогрессивного реформатора, а внутри страны поощрял волнения против засилья иностранцев. Двойная игра была замечена, Измаила сместили. В 1882 г. действительно произошло восстание египтян под руководством Араби-паши, которое было подавлено. Основная часть Египта попала под английскую оккупацию. Англичане жаждали опередить сокредиторов-французам.

К 1898 г. (году выхода сборника Ленина «Экономические этюды и статьи») переплетение иностранных интересов в Египте оказалось до удивления запутанным. Армия, полиция и санитарное

ведомство принадлежали англичанам. Государственными школами заведовал француз, соответственно строилось преподавание. Плантации сахарного тростника из личных владений хедива перешли в уплату долга французам. Они продали их англичанам, но французский управленческий персонал там остался. Англичане ввели за вывоз сахара-сырца пошлину. Это было просто, поскольку они управляли египетскими таможнями. Египет уже не в уплату долга, а по особому соглашению на оставшиеся средства содержал пятидесятитысячный английский оккупационный корпус.

Обанкротившийся Египет — отнюдь не экзотика вроде сфинкса и пирамид. Тогда было бы неразумно рассматривать его судьбу как вариант российской. Государственных банкротств в XIX веке было предостаточно: четыре австрийских, четыре испанских, три португальских, два греческих, три финансовых банкротства пережила Турция.

Каждый выход из банкротства был специфическим. Турецкое банкротство 1876 г. привело к созданию в 1881 г. *Conseil d'administration de la dette publique Ottomane* (в него вошли семь турок, грек, немец, итальянец, француз, по представителю от Австро-Венгрии и англо-голландской группы банков). Банкротство Греции 1893 г. обернулось пролением государственного долга — предоставлением нового займа в 1897 г. при условии полного контроля за возвратом долга со стороны Комиссии долговой кассы, контролирующей доходы по статьям (соль, керосин, табак, гербовый сбор и таможня порта Пирей). Впервые в истории государственных банкротств комиссия состояла из представителей правительства, а не банков. Наложим эти две даты на отечественную историю. В. И. Ленин в 1893 г. приехал в Петербург, через два года организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». А о новом греческом займе он узнал уже в Шушенском.

Начало XX века ознаменовалось репрессивными мерами по отношению к неаккуратным плательщикам. В 1902 г. (В. И. Ленин был в Париже) французы оккупировали центр острова Лесбос — г. Митилени — за отказ греческого правительства удовлетворить законные требования двух французских банкиров. В том же году объединенный флот стран-кредиторов (Англии, Германии и Италии) начал блокаду берегов Венесуэлы; бомбардировал «для острастки» форт Сан-Карлос. «1903: Выколачивают долги из Венесуэлы (бомбардировкой): Германия + Англия + Италия» — ленинская запись в «Тетрадах по империализму»⁵.

15 января 1902 г. в «Искре» появилась статья В. И. Ленина, в которой вскрывались условия получения мнимым финансов России. С. Ю. Витте нового крупного займа на Западе. Фактически это был заем под залог — мера редкая во взаимоотношениях с независимым государством. «...Ссылки на специальные государственные

⁴ Там же, т. 28, с. 669.

⁵ Там же, т. 28, с. 669.

имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что **иностранные кредиторы налагали свой контроль** на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими займы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!»⁶

Кредиторам от военных демаршей доставалось преимущественно моральное удовлетворение. Из-за этого проблема неплаты долгов обсуждалась на Гаагской мирной конференции в 1907 г., собравшей представителей 44 стран. Была принята конвенция «Об ограничениях в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам». Напрасно мы искали бы в ней **принципы воспрепятствования вооруженному вмешательству как ответу на государственное банкротство**. Нет, в центре ее находятся четыре исключения, когда вооруженное нападение считается юридически обоснованным: если правительство государства — банкрота отклоняет третейское разбирательство; не отвечает на предложения о таком разбирательстве; делает своими действиями разбирательство невозможным; уклоняется от выполнения решения, вынесенного третейским судом.

Гаагская мирная конференция началась 15 июня 1907 г. Менее чем за месяц до этого, 19 мая, в Лондоне завершил работу V съезд РСДРП(б). Следующим будет уже VI съезд — в июле 1917 г., в предверии Октябрьской революции. Газеты всех стран были наполнены ожиданием предстоящей мирной конференции, никто не связывал ее с прошедшим съездом малочисленной русской революционной партии. И сейчас, увы, этой связи не замечают.

РОССИЯ НА ПОСЛЕДНЕЙ ГРАНИ

Введенный в июле 1917 г. **прогрессивный подоходный налог буржуазия саботировала**. В этом отчетливо проявились политическая незрелость и недалекость

⁶ Там же, т. 6, с. 260.

русских капиталистов. Предприятия практически прекратили налоговые платежи. Отдельные представители буржуазии готовы были временно пожертвовать даже большей частью доходов, но основная масса отнеслась к поддержке своей власти пренебрежительно. Временное правительство вынуждено было увеличивать косвенные налоги — акцизы. В августе удвоились хлебные цены, что по замыслу должно было стимулировать хлебозаготовки и умерить предпринимательский пыл спекулянтов. И спекулянты, и кулаки ожидали следующего повышения цен. Непонимание момента проявлялось и в том, что буржуазия как бы дорвалась до казенного сундука: многочисленные инициативы относительно повышения цен на контролируемые государством товары обычно приносили успех. Кузнецкий уголь благодаря этим инициативам подорожал с 21 до 29 коп. за пуд. Получались многочисленные авансы за просто так, не подкрепленные никакими гарантиями. «Все согласны, что немедленное введение социализма в России невозможно», — писал В. И. Ленин с нескрываемой иронией. — Все ли согласны, что раскрытие казнокрадства немедленно необходимо?»⁷

Английские и французские банкиры уже не давали России внешних займов, не хотели рисковать. Только американцы еще проявляли интерес к ней как к потенциальному должнику. 26 сентября 1917 г., за месяц до Октябрьской революции, к Временному правительству с коллективным представлением обратились Англия, Франция и Италия. В нем звучал недвусмысленный намек: общественное мнение союзников может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь России. Союзники открыли Временному правительству ничтожные кредиты: 16 мая — на 100 млн. руб., 17 июля — на 75 млн., 23 августа — на 100 млн., 12 октября — на 50 млн. Последний заем на 125 млн. руб., открытый 1 ноября 1917 г., был поспешно аннулирован после получения известий о переходе власти к большевикам. Внутренний «Заем Свободы» не разошелся, уже при большевиках его облигации обращались как первые советские деньги, хотя соответствующее решение было принято в сентябре.

⁷ Там же, т. 32, с. 320.

«Мы должны объяснить массам, что государственное банкротство — существующий факт. И как только мы возьмем власть в свои руки, мы сейчас же откажемся от платежа государственных долгов, иначе зависимость от иностранного финансового капитала будет безмерно велика», — говорил А. П. Сергеев, один из организаторов отрядов Красной Гвардии, на VI съезде РСДРП(б).

ДЕФИЦИТ РЕШИМОСТИ

Спустя два месяца после Февральской революции стало очевидным, что Временное правительство неспособно решить сложные экономические задачи. Единственное, на что оно решилось, — это ввести хлебную монополию, но и она фактически осталась на уровне пожеланий. Проведение хлебной продразверстки требовало иной решимости. Более половины хлебных излишков находилось у кулаков. Чтобы отобрать их, следовало иметь стройную концепцию, естественным элементом которой была бы насильственная экспроприация излишков хлеба у зажиточной части крестьянства.

Сокращалось продовольственное снабжение армии. В Петрограде запаса хлеба без дополнительного подвоза хватило бы на десять дней. Лицам, не занятым физическим трудом, выдавали по полфунта хлеба на день. К Октябрю хлебозаготовки еще более снизились. Военные расходы сравнивались с фондом потребления...

Что же предлагали в те месяцы капиталисты? Орган деловых кругов, журнал «Финансовое обозрение», радуясь сближению позиций А. Ф. Керенского и «партии народной свободы» (кадетов), призывал объединиться вокруг **единой платформы из семи пунктов**. Вся власть Временному правительству. Восстановление боевой мощи армии и дисциплины на фронте. Не место в правительстве лицам случайным, представляющим лишь самих себя. Правительство не вправе предпринимать коренную ломку существующих социальных отношений до созыва Учредительного собрания. Создание твердой власти на местах и проведение выборов в органы местного самоуправления. Полное единение с союзниками. Недопустимость разрушения промышленности и торговли.

Последний пункт казался самым важным. «Бьют уже хозяйственный аппарат, по промышленности, а не по промышленникам», — вопил журнал. — Нужен порядок, обеспечивающий нормальную жизнь всем классам населения. Всякие классовые притязания как промышленников, так и рабочих должны быть подчинены государственным интересам... В грозный час, который пробил для России, надо думать о спасении Отечества, а не о классовых завоеваниях»⁸.

Министры обсуждали множество проблем, как крупных (введение государственной монополии на железо и ткани), так и мелких (дамские ботинки стоили 125 руб.). Впрочем, крупные проблемы мельчали внутри Временного правительства и становились неотличимыми от мелких. Товарищ (заместитель) министра продовольствия А. А. Титов обещал, что фунт гвоздей, стоящий на рынке 2,5—3 руб., будет после государственного вмешательства продаваться за 40—45 коп. Тканей производилось только четверть от 1913 г. Временное правительство убеждало, что справедливая разверстка тканей потребует от государства 50 млн. руб. Изыщем их — и все будет решено. Так воздушно представлял себе сложившуюся финансово-экономическую ситуацию заместитель министра продовольствия, который больше заботился о престиже собственного ведомства, чем о том, чтобы осознать кризисность положения.

Сравним с подходом А. А. Титова слова В. П. Милютина, произнесенные на VI съезде партии: «В области продовольствия мы стоим накануне голода... Два фактора ведут к голоду: 1) полный неурожай в Поволжье, 2) расстройство железных дорог. Создаются такие условия транспорта, при которых можно сказать не преувеличивая, что страна стоит накануне экономической гибели. Из этого положения мы должны исходить, чтобы понять перспективы ближайшего будущего»⁹.

Железные дороги пришли в упадок, перевозка зерна сократилась вдвое по сравнению с 1913—1916 гг. А Временное правительство приняло классически бюрократическое решение: ввело так называемые «грузовые недели», во время которых запрещалось пассажирское движение. «Давайте же лучше говорить правду, — писал

⁸ «Финансовое обозрение», 1917, № 19, с. 2—3.

⁹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, М., 1958, с. 151.

В. И. Ленин, — в республиканской России хотят реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь...»¹⁰.

«Чтобы преуспеть, чтобы привлечь на свою сторону промежуточные слои, революционная демократия (эсеры и меньшевики — Ю. В.) должна была показать только одно: свою твердую волю действовать в качестве правительственной власти и взять на себя максимум ответственности. Но этой-то воли как раз ей и не хватало»¹¹. Именно кадеты первыми в русской истории выдвинули принцип социальной справедливости, которую они понимали как отчуждение по справедливой (не рыночной) оценке части помещичьих земель и наделение ею «в потребных размерах» малоземельных и безземельных крестьян, введение, «где возможно», восьмичасового рабочего дня. Эта боязнь кого-либо обидеть, стремление наладить хозяйственную жизнь на основании здравого смысла и общечеловеческих абстрактных представлений о добре и зле, к сожалению, сохранилась до наших дней.

Летом 1917 г. по инициативе кадетов был даже образован «Союз эволюционного социализма». Член ЦК кадетской партии А. С. Изгоев отмечал, что его партия «не отрицает социализма как идеала, к которому и придет человечество, повинаясь свободному голосу своей совести и разума»¹². Иронически настроенный кадет князь Е. Н. Трубецкой писал: «Мы являемся демагогами с перепугу, ... стараемся как бы надавать больше обещаний»¹³.

ВЕЛИЧИНА ДОЛГА

Исчисление государственного долга России показывает, что взаимоотношения между государством и его внешними и внутренними кредиторами не могли быть разорваны сразу.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 167.

¹¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Цит. по: Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1983, с. 339.

¹² Цит. по Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. М., 1973, с. 175—176.

¹³ «Речь», 1917, 12 мая.

Государственный долг к началу 1917 г. составлял 33 млрд. руб., к концу — 60 млрд. Каждый год требовалось платить более 3 млрд. руб. по процентам. Эти цифры взяты из доклада В. П. Милютин. Они присутствуют и в докладе директора департамента Государственного казначейства Дементьева, опубликованном 10 лет спустя. В нем приведена динамика русского государственного долга «с причислением к государственным долгам также и краткосрочных обязательств, замена которых долгосрочными займами — лишь вопрос времени»¹⁴. Долг составил (на 1 января): в 1914 г. — 8,8 млрд. руб., 1915 г. — 10,5 млрд., 1916 г. — 18,9, 1917 г. — 33,6, а к 1 июля 1917 г. достиг уже 43,9 млрд. руб. Ожидалось, что к началу 1918 г. он поднимется до 60 млрд. руб.

Фактически до 60-миллиардного долга не дотянули, поскольку кредиторы не проявили активного желания давать займы. Мы сталкиваемся с одной из многочисленных тонкостей исчисления государственного долга России в 1917 г. И она, и другие свидетельствуют: нельзя охарактеризовать государственный долг одной суммой. Мы сразу столкнулись с тем, что дело не столько в сумме долга, сколько в невозможности превратить краткосрочные обязательства в долгосрочные.

«Надо изыскивать для полного покрытия всех расходов до конца 1917 г. около 15 млрд. руб.»¹⁵, — писал Дементьев. **Столько же удалось изыскать за три года войны.** Об этом же — нервные телеграммы министра торговли и промышленности Временного правительства Терещенко от 18 августа 1917 г. русским послам по Франции, Англии и США.

Таблица 1

Структура государственного долга России в конце 1917 г.

	В млрд. руб.			В % к общей сумме		
	долгосрочный	краткосрочный	Итого	долгосрочный	краткосрочный	Итого
Внешний	4,3	9,0	13,3	11,9	24,7	36,6
Внутренний	17,3	5,6	22,9	47,8	15,6	63,4
ИТОГО	21,6	14,6	36,2	59,7	40,3	100,0

¹⁴ Красный архив, т. 6(25), 1927, с. 29.

¹⁵ Там же, с. 23.

Следовало бы разделить долгосрочный долг на две категории: **фактически бессрочные и относительно немноголетние займы** (ведь в составе долгосрочного российского долга были кредиты, полученные еще Александром I во времена Отечественной войны 1812 г.). Однако для такого разделения нет достоверной информации, существует только косвенная.

Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов сохранилась после Октябрьской революции внутри Наркомата финансов. Ее отчет за период с октября 1916 г. по август 1918 г. был обнаружен историком-экономистом И. Ф. Гиндиным и опубликован им в 1957 г. Согласно этому отчету российский долг в 1918 г. складывался из трех частей:

- долгов, заключенных в рублях, равных 1/10 империи, т. е. сделанных до реформы 1895—1897 гг., — 2,8 млрд. руб.;

- долгов, заключенных в рублях, равных 1/15 империи, т. е. сделанных после упомянутой реформы, — 21,6 млрд. руб.;

- краткосрочных обязательств казначейства — 33,4 млрд. руб.

Из общей суммы долгосрочного долга в 24,4 млрд. руб. 3,3 млрд. составляли бессрочные (рентные) долги, причем основная их часть еще содержала сроки по-

гашения займов. Краткосрочные обязательства выпускались казначейством как процентные бумаги (сродни современным облигациям). До конца 1915 г. они были 4- и 5-процентными, а впоследствии — только 5-процентными. Кредитные казначейские обязательства пускались в оборот в качестве бумажных денег или передавались Госбанку как обязательства государства, где они считались активами (чуть ли не наравне с золотом) и давали право на эмиссию соответствующего количества банкнот. Иными словами, **эмиссия бумажных денег оформлялась как задолженность казначейства Госбанку**. Эта хитрость была основной до 1917 г. На 23 октября таких обязательств находилось «в обеспечении» на 15,5 млрд. руб., что расходится с приведенной выше цифрой отчета Особенной канцелярии на 8,9 млрд. руб. По оценкам, в обращении на 1 сентября 1917 г. находилось 4- и 5-процентных обязательств примерно на 5,4 млрд. руб. Следовательно, расхождение составляет уже 3,5 млрд. руб.

Но откуда могло появиться даже оно? **Единственная правдоподобная версия:** эти казначейские обязательства поступали в Госбанк «под обеспечение» эмиссии уже после Октябрьского вооруженного восстания. Во всяком случае после взятия Зимнего Совет Министров Временного правительства, состоявший из неарестованных товарищей (заместителей) министров, принял решение об увеличении эмиссионного права Госбанка на 1 млрд. руб. Оно было принято в рамках предыдущего решения Временного правительства о принципиальной возможности увеличить эмиссионное право Госбанка на 25 млрд. руб. 6 октября повышение было санкционировано всего на 16,5 млрд. руб., и эта квота к 23 октября была почти использована. Оставалось выпустить денег на 1 млрд. руб. Это и было разрешено в ноябре, несмотря на то, что у власти уже находились большевики. Вместе с тем, как отмечает И. Ф. Гиндин, продолжала существовать принципиальная (правовая) возможность повышения эмиссии до 25 млрд. руб. Хотя после Октябрьской революции эти манипуляции потеряли смысл (правда, в них и ранее не было особого смысла — Ю. В.), денежная эмиссия Государственного банка за последнюю неделю октября 1917 г. увеличилась на 2,5 млрд. руб. Не исключено, что чиновники Кредитной канцелярии продолжали переда-

вать в Госбанк кредитные обязательства казначейства сверх 1 млрд. руб.¹⁶

Февральским декретом 1918 г. Совнарком установил единственный способ использования обязательств Государственного казначейства: оставил их в обращении как платежное средство, но прекратил выплаты по ним процентов; «...а самые облигации имеют хождение наравне с кредитными билетами» — было записано в декрете.

Помимо приведенной суммы долга, существовали еще две статьи: гарантии по железнодорожным займам и долги по закладным листам. Их общая сумма составляла 5,4 млрд. руб. С ее добавлением структура долга несколько менялась (см. табл. 2). Еще больше увеличивалась доля долгосрочного внутреннего долга — он превалировал. Принципиальным допущением при такой добавке является отнесение этих дополнительных 5,4 млрд. руб. к долгосрочному долгу.

Таблица 2

Структура государственного долга России с учетом железнодорожных займов и закладных листов в конце 1917 г.

	В млрд. руб.			В % к общей сумме		
	долго-сроч-ный	крат-ко-сроч-ный	Итого	долго-срочный	кратко-срочный	Итого
Внешний	5,9	9,0	14,9	14,2	21,5	35,7
Внутренний	21,1	5,6	26,7	50,7	13,6	64,3
ИТОГО	27,0	14,6	41,6	64,9	35,1	100,0

Таким образом, по приведенным цифрам можно прийти к заключению: две трети задолженности касались взаимоотношений Российской республики с ее гражданами, а половину долга составляли долгосрочные займы им. Из трети, которую образовывал внешний долг, лишь 14,2% были представлены в форме длительных займов, а 21,5% от общей суммы в соответствии с прецедентами предыдущих государственных банкротств могли быть обращены в форму долгосрочного

займа. Следовательно, основное значение в проблеме финансового банкротства России имел разрыв кредитных отношений с внутренними кредиторами государства.

ЦЕРЕМОНИТЬСЯ ЛИ С БАНКАМИ!

Нередкая житейская сцена: заведующий отделом обкома партии звонит в областную контору Госбанка и, напомнив о партийной дисциплине, обязывает предоставить кредит конкретному предприятию. Он руководствуется вполне понятными мотивами — «нужно» (иначе дела у предприятия пойдут плохо). Он чувствует себя чуть ли не продолжателем революционных традиций Октября, как бы повторяющим захват банков... Непонимание вреда от такого поступка проистекает не в последнюю очередь от предельно упрощенного понимания того, что же во время Октябрьской революции сделали с банками. В свою очередь оно базируется на общих представлениях: власть — это хорошо, ее нужно брать и в том случае, когда о возможных последствиях ничего неизвестно.

В ночь с 25 на 26 октября в Госбанк без столкновения с его охраной вошел отряд моряков флотского экипажа. На следующий день всем приходящим клиентам «служащие банка заявили, что комиссары, якобы, пришли в банк для незаконного изъятия денег на свои нужды

и мешают им нормально работать»¹⁷. Неизвестно, какое впечатление произвели эти слова на представителей фабрично-заводских комитетов сразу после Октябрьского вооруженного восстания, но сплетня явно победила сейчас, спустя 70 лет. Почти

¹⁷ Гиндин И. Ф. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961, с. 12.

¹⁶ Гиндин И. Ф. О величине и характере русского государственного долга. — «История СССР», 1957; № 5, с. 166—172.

во всех учебниках истории превозносится революционное насилие, описываемое в карикатурно упрощенном виде. Что мог сделать отряд революционных моряков в эмиссионном центре страны? Только не допускать в банк всех хорошо одетых, «буржуев» по внешнему виду. Но ведь дела можно было уладить и по телефону...

Бессмысленность и даже вред этой меры стали очевидными спустя двое суток. 29 октября моряки покинули Госбанк. 30 октября вышло постановление Совнаркома, предписывающее открыть 31 октября все банки, как обычно, — с 10 часов до 14.30. Одновременно правлению Госбанка было предъявлено требование открыть в Петроградской конторе текущий счет на имя Совнаркома и представлены образцы двух подписей — В. И. Ульянова и В. Р. Менжинского, заместителя наркома по Министерству финансов.

«Все слухи, распространяемые буржуазией, о конфискации капиталов ложны. Ничего, кроме мер, обеспечивающих интересы вкладчиков путем строжайшего учета и контроля над деятельностью банков, не предполагается»¹⁸. И все-таки слухи превратились за семь десятилетий в чуть ли не узаконенное средство искажения истории.

31 октября частные банки открылись на один час. Но 1 ноября было решено их закрыть, поскольку поток выписанных ими на Госбанк чеков превысил возможности его служащих, которые к тому же начали совсем уж немотивированный саботаж, ибо моряки покинули банк два дня назад. 2 ноября комиссар Госбанка Морозов еще раз опровергал клевету, что большевики украли деньги. В тот же день подпольный Совет Министров Временного правительства, состоявший из товарищей (заместителей) министров и заседавший в связи с захватом Зимнего дворца на конспиративной квартире по улице Бассейной, решил увеличить эмиссионное право Госбанка на 1 млрд. руб., демонстрируя, что он владеет ситуацией. Об этом оповестили газеты.

4 ноября управляющего Госбанком И. П. Шипова под конвоем доставили в Смольный и вновь предъявили ему требование открыть счет на СНК. Шипов объяснял Менжинскому, что правительство не может быть юридическим лицом и должно обращаться не за кредитом

в банк, а за ассигновкой в Министерство финансов. Шипова оставили в Смольном под арестом, секретарь Совнаркома Горбунов уступил ему на ночь свою койку в знаменитой теперь комнате 64 Смольного, где размещались Управление делами СНК и Наркомат финансов.

В тот же день из состава Совнаркома вышли Ногин, Рыков, Милютин и Теодорович, считавшие сложившуюся ситуацию неразрешимой. Они предложили создать однородное социалистическое правительство — коалицию с эсерами и меньшевиками. Эту идею большинство не поддержало, поскольку к октябрю формально «социалистическим» было и Временное правительство, а коалиция попросту означала бы вхождение в него большевиков.

На следующий день Шипов вернулся в Госбанк, оставшись при своем мнении. Назавтра, 6 ноября, Совнарком вновь предъявил Госбанку требование открыть счет СНК и перевести на него 10 млн. руб. на экстраординарные расходы. Руководители Госбанка опять принялись объяснять, что любое госучреждение должно обращаться за ассигновкой в Минфин... В. Р. Менжинский на собрании служащих Госбанка, организованном по его просьбе, разъяснил, что за полученные деньги Совнарком будет отчитываться перед народом, регулярно публикуя отчеты в газетах. Его речь не дала положительных результатов. После ухода В. Р. Менжинского совет Госбанка под председательством И. П. Шипова решил счет не открывать и денег не давать.

Утром следующего дня, 7 ноября по старому стилю, на гарнизонном совещании в Смольном выступил Л. Д. Троцкий, стаж которого в большевистской партии едва перевалил за три месяца. Он возложил проведение шумной (обязательно с оркестром) операции по захвату Госбанка на М. А. Муравьева, левого эсера (который будет семь месяцев спустя расстрелян в Симбирске за попытку военного мятежа против Советской власти). **Вооруженный захват Госбанка не удался** (охрана пропустила в здание лишь представителей полковых комитетов, которые после митинга разошлись) и **оказал медвежью услугу**. «Этот парад привел только к тому, что даже низшие служащие и банковский караул, поддерживающие Советскую власть, выступили с протестом, боясь,

¹⁸ «Известия», 1917, 31 октября.

что банк будет разграблен»¹⁹, — писал через год Н. Осинский (В. В. Оболенский).

Равновесие на денежном рынке чутко реагирует на всевозможные слухи. Сплетни относительно ограбления Госбанка могли окончательно подорвать кредитно-денежную систему страны. И без того рубль, стоивший в феврале 27 коп. серебром, в октябре «весил» всего 6—7 коп.

8 декабря (день зарплаты) банки открылись всего на час, лишь чтобы выдать чеки на Госбанк, и до 12 декабря были закрыты. Но в Москве они работали. В тот день от поста Председателя ЦИК был отстранен Л. Д. Каменев, на его место пришел Я. М. Свердлов. Вечером, уже при новом председателе, В. Р. Менжинский докладывал о положении дел в Госбанке. ЦИК предложил Совнаркому принять самые энергичные меры к наведению порядка. 9 ноября СНК обратился в единственно авторитетное для Госбанка Министерство финансов с требованием срочно открыть счет и перевести на него 25 млн. руб. 11 ноября за отказ это сделать были уволены без права на пенсию все 4 товарища министра финансов и другие шефы финансово-кредитной системы. Каждому был вручен отдельный приказ об увольнении, подписанный В. И. Лениным. Этот шаг предварила публикация «Разъяснений Министерства финансов» в газете «Новая жизнь» (1917, 11 ноября). В них люди с улицы Басейной сообщали, что с 25 октября по 9 ноября из Госбанка отпущено 610 млн. руб., и приводили направления расходов, как впоследствии выяснилось, не соответствующие реальным тратам. В тот же день было переведено в Акмолинск еще 15 млн. руб. Банк продолжал работать так, как было нужно Временному правительству, а не Совнаркому.

Через день СНК в последний раз попытался прийти к мирному соглашению. Декрет от 13 декабря был составлен в полном соответствии с действовавшими нормами права: «Во исполнение постановления ЦИК от 8 ноября Совнарком по представлению заместителя наркома по Министерству финансов постановил: предоставить комиссару Госбанка В. В. Оболенскому право в виде временной и исключительной меры выдать с текущего счета Государственного казначейства краткосрочный

аванс Совету народных комиссаров в размере 25000000 руб. (25 млн. рублей)»²⁰.

Как же получилось, что неудачная попытка бессмысленного захвата Госбанка троцкистами преподается как выдающееся достижение революции? Есть два объяснения. Первое относительно несложно и сводится к перечислению немногих фактов. В 1926 г. журнал «Красная летопись» № 2 (17) опубликовал восторженные воспоминания о шумихе вокруг Госбанка 7 ноября 1917 г. Основная задача их прозрачна — восславить революционный талант Л. Д. Троцкого. Спустя 30 лет составители сборника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Ленинград, 1956), вычеркнув фамилию главного героя воспоминаний, перепечатали их как объективное изложение великих событий. Через год Б. Ривкин в книге «Финансовая политика в период Октябрьской революции» принял эти воспоминания за основу. Оттуда они растеклись по учебным пособиям. Может быть, не следовало бы об этом говорить, но в подобном стиле «отредактированы» многие материалы о подготовке Октябрьской революции. Оборот «председатель Петросовета Л. Д. Троцкий», как правило, заменялся на «Петросовет» — замена вовсе неэквивалентная. В результате не всегда возможно корректно оценить отдельные мероприятия Петросовета.

Существовали еще два канала, по которым неверная информация об овладении Госбанком дошла до наших дней. **Первый** — книга З. В. Атласа «Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925)» (М., 1940). Источник — тот же номер «Красной летописи» и опять без упоминания главного действующего лица. **Второй** канал более принципиален — «История ВКП(б). Краткий курс» (М., Партиздат, 1940, с. 198—199). Именно он позволяет подойти к обсуждению второй причины дезинформации, более глубокой и основательной.

Вооруженный захват Госбанка при всей его нелепости прекрасно вписывается в систему централизованного управления, как бы объясняя успех, заложенный в его начале. Ни в одном пособии по истории не излагается, что же мог сделать отряд вооруженных моряков в центральном эмиссионном банке, не рассказывается о действи-

¹⁹ «Экономическая газета», 1918, № 1, 6 ноября.

²⁰ Декреты Советской власти, т. 1, 1957, с. 75.

тельном ходе овладения банком (хотя эта информация содержится в книге И. Ф. Гиндина, опубликованной в 1961 г.). Но над этим мы не задумываемся, не замечаем явных расхождений со здравым смыслом.

Банковским вкладам и текущим счетам, составлявшим в сентябре около 10,7 млрд. руб., соответствовала касса (денежная натура) всего в 400 млн. руб. На 1 сентября в Госбанке насчитывалось 144 млн руб., на 1 июня в коммерческих банках было 244 млн. руб.²¹ 3 млрд. руб. прироста вкладов в сберкассах, добавившихся за годы империалистической войны, также были пущены в оборот. Неизмеримо больше, чем в банках, было наличных средств у населения и в так называемых «торгово-промышленных кассах» (выручка предприятий, магазинов, лавок не сдавалась в банк, а хранилась на месте, откуда ее расходовали на производственные нужды, зарплату, личное потребление).

Поучительны и меры большевиков, связанные с овладением частными банками. Если по отношению к Госбанку еще требуются исследования, подтверждающие, что он не был захвачен, то по поводу частных банков сомнений и не возникает: их вооруженный захват был проведен по всем правилам революционной тактики. К 10 часам утра 14 декабря 1917 г. рядом с конторами всех частных банков Петрограда были сосредоточены вооруженные отряды Красной Гвардии. Через 15 минут они вошли одновременно во все банки. Их правления были вынуждены работать под вооруженным контролем. Декрет о национализации банков был принят в тот же день вечером. Оперативность ошеломила управляющих, некоторые из них обратились в Совнарком с просьбой разъяснить ситуацию: ведь сотрудничество банков и Советской власти складывалось вроде бы мирно.

Но так ли это? В исторической литературе наиболее распространены также два аргумента, объясняющие захват частных банков: лозунг национализации банков входил в экономическую платформу большевиков; частные банки могли (и фактически это делали) финансировать контрреволюцию.

Но существует еще два аргумента, объясняющие, почему частные банки были захвачены именно в декабре.

Первый: весь ноябрь частные банки пытались создать собственный эмиссионный центр, независимый от Госбанка, которым уже овладели большевики. Он стал бы выпускать чеки на предъявителя, обеспеченные банковскими ценностями и солидарной ответственностью банков.

9 декабря газета «Наш век» писала: «По соглашению частных коммерческих банков, выпускаемые ими деньги, официально именуемые банковскими чеками, поступят в обращение 1 января 1918 г. В настоящее время частными типографиями, в которые передан для исполнения заказ по изготовлению чеков, уже заканчивается печатание первой партии на общую сумму 1/2 млрд. рублей»²². В тот же день началась подготовка к вооруженному захвату банков, за военную его часть отвечал Н. И. Подвойский, за экономико-юридическую — Г. Я. Сокольников.

Второй аргумент. В условиях военного времени при лимитированном снабжении вклады в частных банках не представляли особой опасности для экономики. Но после войны обычно наступало чрезмерное оживление экономики, спекулятивно взлетали новые выпуски ценных бумаг, народное хозяйство становилось неконтролируемым. «Конец войны снимал оковы страха с духа предпримчивости, — писал известный финансист А. Гурьев. — Избалованные на военных прибылях торговые сферы начинали недовольствоваться процентным доходом по государственному займам. Наступало «грюндерство» — «промышленная лихорадка» — учреждение новых предприятий и расширение старых, облегчаемое наличностью в торговых кругах больших денежных сумм от произведенных во время войны выпусков»²³.

Для хозяйственного развития страны **вред искусственного послевоенного экономического оживления мог многократно превзойти ущерб от самой войны.** Поэтому государственный контроль над расходованием вкладов ввела бы любая политическая партия. Не обязательно контроль принял бы крайнюю форму (национализация), но он был необходим. Это понимали задолго до

²² Цит. по: Гиндин И. Ф. Как большевики захватили частные банки. М., 1962, с. 62.

²³ «Вестник финансов, торговли и промышленности», 1917, № 39, с. 363.

²¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 4, с. 398—400.

Октябрьской революции представители даже самих правых партий.

С 23 ноября 1917 г. в Брест-Литовске велись мирные переговоры. К середине декабря мир стал осязаемым, хотя и не для всех желанным. **Взятие частных банков служило своеобразной подготовкой к будущей мирной экономике.**

Национализация банков была завершена только к середине 1920 г., т. е. фактически именно к началу функционирования экономики в мирных условиях. На баланс Народного банка за это время поступило 12,7 млрд. руб. банковских ценностей. Естественно, лишь незначительную часть их составляли деньги. Денежная касса частных банков, перешедшая в распоряжение Советской власти, вряд ли была больше 250 млн. руб.

К тому времени (1920 г.) падающая валюта (постоянно возрастающее количество совзнаков, выбрасываемых в обращение) сделала бессмысленным банковский кредит. Народный банк перестал существовать. **Явный выход из государственного банкротства начался в октябре 1921 г. учреждением Госбанка РСФСР**, получившим для обеспечения новых советских денег 50 млн. руб. золотом. Только через год, 11 октября 1922 г., появились червонцы — обеспеченная золотом советская валюта. Почти пятилетняя борьба большевиков за выход России из состояния государственного банкротства, финансовой разрухи увенчалась успехом. Никакая другая политическая партия была не в состоянии это сделать.

ГЛАСНОСТЬ ГЛАВНЕЕ КОНФИСКАЦИИ

Выдающимся достижением Октябрьской революции довольно долго считалась безвозмездная национализация — конфискация у капиталистов предприятий, торговых и кредитных учреждений. Когда некоторые историки, обращаясь к неоспоримым фактам, утверждали, что национализация длительное время после Октября сводилась к разовым и ответным мерам, их подвергали обструкции... Между тем, В. И. Ленин писал: «Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфис-

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЗАЕМЪ СВОБОДЫ.

РОДИНА И СВОБОДА ВЪ ОЛАСНОСТИ
ДАЙТЕ ГОСУДАРСТВУ ДЕНЬГИ
ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ ВРАГОМЪ.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
ЗАЕМЪ СВОБОДЫ.

СТАРЫЙ СТОЙ ПОВЕРНУТЬ
ВОЗВРАЩАЙТЕ ЗАЕМЪ
СВОБОДНОЙ РОССИИ
АА ЗАРИКНУТЬ АРАСТААА
АРМИА, НАРОДЪ СВОБОДА!
МОСКВА АПРЕЛЬ 1917 г.

кацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога... — только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит только рабочий контроль рабочего государства*²⁴. За идеей рабочего контроля, который до сих пор не реализован в той мере, в какой предвиделся, стоит ключевой элемент экономической программы большевиков накануне взятия власти.

В июле -917 г. (в дни работы VI съезда партии Совет съездов металлообрабатывающей промышленности (объединение заводоладельцев) обратился с письмом к Временному правительству вроде бы по частному поводу: «Общее собрание рабочих завода П. В. Барановского на заседаниях от 11 и 16 мая с. г. постановило избрать контрольно-хозяйственную комиссию над всем предприятием П. В. Барановского, а именно — для контроля: 1) прихода и расхода сырья (уголь, латунь, медь и пр.); 2) отправки готовых продуктов: гильз, трубок и др.; 3) прихода и расхода всех денежных сумм, как то:

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 309.

платы рабочим и служащим, техническому персоналу и др.; 4) продовольственного дела... Такого рода требование представляет собою акт незаконного вторжения в сферу чисто предпринимательских интересов, ...дело не в отдельных предприятиях. Дело в коренном нарушении принципа частной собственности на капитал...»²⁵

Указывая на необходимость отмены коммерческой тайны, В. И. Ленин писал: «...Только она развернула бы народную инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии, только она сделала бы контроль серьезным и демократическим»²⁶. В наши дни, когда журналист добывается у бюрократа информации, которая затем предстанет на страницах журнала или газеты, он должен помнить, чьи традиции продолжает он и последователь чьих традиций стоит перед ним. Министр труда Временного правительства М. И. Скобелев, предложивший полное (хотя и временное) изъятие прибылей у капиталистов, одновременно подписал циркуляр о недопустимости вмешательства рабочих в дела приема и увольнения. Это право, считал он, «принадлежит владельцам предприятий».

В политических дискуссиях 1917 г. противопоставлялись государственный и рабочий контроль. «...Против участия рабочих в „государственном“ контроле кадеты ничего не имеют»²⁷, — отмечал В. И. Ленин. «Рабочий контроль — действительное средство борьбы с разрухой и там, где удавалось его проводить, положение действительно улучшалось», — говорил на съезде В. П. Милютин.

Против рабочего контроля на VI съезде РСДРП(б) выступал В. В. Оболенский, считавший, что буржуазия теперь сама будет бороться с разрухой. Его точка зрения поддержки не получила, подавляющему большинству было очевидно, что обвинение рабочих в разрухе и параллельное нагнетание ее — органически сочетающиеся компоненты буржуазной тактики. Менее чем через полгода после своего выступления — 17 декабря — именно В. В. Оболенский возглавил ВСНХ — штаб социалистической промышленности. Государственный конт-

роль стал смыкаться с рабочим, 70 лет спустя отличия между двумя формами контроля еле заметны. Преимущество получили, пожалуй, традиционные формы государственного контроля. Ключевая проблема гласности — полная доступность информации о доходах каждого — пока ограничивается разовыми декларациями в духе традиционных процедур кулуарного контроля.

Перед Октябрьской революцией в стране неустойчиво действовала карточная система. Временное правительство ее толком так и не признало. Большевики предлагали ее не отменять, а, напротив, развить и дополнить. Была поставлена задача: каждый гражданин должен входить в потребительский кооператив. «Целью „обсоюзования“ является установление полнейшей, строжайшей и подробнейшей отчетности, а главное *соединение операций по закупке сырья, по сбыту изделий, по сбережению народных средств и сил*»²⁸.

Нужно отметить, что в России традиционно не было подоходного налога, заполнения деклараций о доходах, полностью отсутствовала гласность о росте богатств частных лиц. Гласность доходов и отмена коммерческой тайны вводились как естественные элементы общедемократического, досоциалистического хозяйственного развития. Сейчас гласность доходов всех перед всеми вызывает у многих активное неприятие. Это результат долгого снисходительного отношения к нетрудовым доходам, утвердившегося в обыденном сознании. Партия принимает ныне решительные меры по разрушению атмосферы попустительства, коррупции и воровства.

В заключение — замечание относительно определения «принудительный». Очевидно, что мы воспринимаем его иначе, чем большевики семнадцатого года, и даже не так, как обыватели тех лет. 20-летие экономической успокоенности вогнало в сознание каждого из нас утробное и, как правило, неосознаваемое отвращение ко всему, что может восприниматься как насилие над устоявшимся и мирно текущим порядком.

Но в 1917 г. прилагательное «принудительный» не отталкивало, а привлекало. Иначе как объяснить, что политическая партия, выдвинувшая экономическую программу, где что ни пункт, то принуждение, после обна-

²⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 1, с. 184—185.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 173.

²⁷ Там же, с. 306.

²⁸ Там же, т. 34, с. 177.

родования этой программы увеличилась с марта по октябрь в 15 раз — с 24 тыс. до 350 тыс. человек?! «Партией народной свободы» называли себя кадеты, но никто этим свободам не верил. **Выход из финансового банкротства России лежал в сознательном отказе от пустопорожней говорильни и переходе к мерам, которые действительно выводили страну из экономического тупика.**

Чтобы понять в полном объеме экономическую программу большевиков перед Октябрьской революцией, нужно быть прежде всего экономически грамотным. Но этого мало. Следует сломать неверные представления о **вседозволенности**, якобы имевшей место при появлении первого в мире государства рабочих и крестьян. Необходимо отменить их ради формирования нового экономического мышления, когда каждый принимающий решения обладает внутренними этическими тормозами.

Уместно закончить статью призывом к современному бюрократу: «Удержись от недозволенного! Очень хочется изменить нормативы — вроде бы и нужно, и никто не заметит, но ты удержись. Нигде, даже в глубинах подсознания, не пытайся связать собственное поведение с революционными традициями. Они не за тебя, они против».

Статья иллюстрирована
плакатами и рисунками художников
Ю. АННЕНКОВА, В. ДЕНИ, Е. КРУГЛИКОВОЙ, А. КРАВЧЕНКО